

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действие происходило в Большом концертном зале Радио-Франс. Габриэль Бока, молодая женщина, преисполненная решительности и упорства, подошла к трибуне и торжественно сбросила мантию. Все присутствующие заплодировали. На ее выступление, которое транслировалось в прямом эфире по телевидению и в интернете, зрителей — в том числе и меня — отобрали по жребии. Это был исторический день. Двадцать шестого декабря 2029 года прошел суд над Правосудием.

— Дорогие друзья, я раскаялась первой. Сдала адвокатское удостоверение, сняла мантию, попросила прощения. Вам, поверившим в институт права, вам, которых слушали, но не слышали, я хочу еще раз сказать: правосудие вас предало. Устаревшее правосудие, которое вершат назначенные властью судейские чиновники, правосудие, признающее презумпцию не-

виновности и сроки давности, — это правосудие себя изжило. Неспособное защитить самых слабых, оно погрязло в компромиссах и занимается показухой. Сколько преступников оно оставило безнаказанными? Сколько безвинных жертв бросило на произвол судьбы? Проявляя терпимость к злодеям, мы приговорили пострадавших к пожизненному наказанию. Но сегодня эта эпоха подошла к концу.

В глубине зала играла музыка. Слышалось легкое дыхание гобоя, жалобно стонала скрипка. Я закрыла глаза. Кто-то все быстрее, все громче отбивал дробь на натянутой коже барабана. Кажется, следом зазвенели тарелки, дыхание у меня сбилось, заболела голова. Как только грянули литавры, я ушла в себя. Вспомнила прошедшие дни, полные ненависти, ночные расправы, женщин с крыльями эриний, горький вкус мести. Вспомнила, как все это время была словно парализована. Семь дней. Это продолжалось семь дней.

Все началось, когда известный инфлюенсер по имени Хулиан Гомес подал жалобу на своего дядю. Он рассказал миллиону своих подписчиков, как этот человек изнасиловал его, когда он был маленьким, и как это отразилось на его дальнейшей жизни. Несмотря на широкий резонанс, несколько интервью и шум в прессе, дело было закрыто без всяких последствий “за истечением срока давности”.

Хулиан Гомес провел опрос в своем сообществе. Должен ли он сам свершить правосудие? Среди опрошенных 87 % ответили “да”. Следующим утром он нацепил на лоб видеокамеру, отправился

в дом 6 по бульвару Араго в Париже, поднялся по лестнице на седьмой этаж, навстречу судьбе, постучал в дверь своего дяди и воткнул нож ему в горло. Потом направил камеру на себя и расплакался.

Когда его арестовали, то со всего мира стали приходить послания в его поддержку и требования его освободить. Поскольку правительство никак не реагировало, по всей Франции развернулись манифестации. Люди несли фотографии выпущенных на волю обвиняемых, портреты “мерзавцев”, так и не представших перед судом. Все больше людей рассказывали о том, что с ними приключилось: каждый спешил выразить свои претензии к судебной власти, ее нерасторопности, ее бездействию. Сайт министерства юстиции взломали и переименовали его в министерство беззакония.

Однажды ночью здание Парижского суда заняли около сотни женщин — членов ассоциации жертв семейного насилия, и министр внутренних дел приказал их выдворить. Они отказались подчиниться, стали отбиваться, и одну из них полицейский ударил дубинкой. Этот эпизод, показанный по телевидению, вызвал гнев протестующих. Сотни молодых людей в социальных сетях согласовывали и планировали свои действия. Они собирались все вместе и в одно и то же время повторить поступок Хулиана Гомеса.

Хештег *Revenge Week* — “Неделя мщения” — завирусился. Францию охватил мятежный дух. Жертвы

наказывали своих палачей. Молодой рабочий из Мюлуза выбросил из окна своего начальника, который несколько лет изводил его. Студент из Амьена столкнул под поезд своего соседа, бывшего военного, мучившего его собаку. Экологический активист отравил главу нефтяной империи, по чьей вине случились разливы нефти. Одного за другим убивали родителей, измывавшихся над детьми, священников-педофилов, полицейских, злоупотреблявших полномочиями, коррупционеров, избежавших заключения. Расправы снимали на камеру, распространяли в сети, и их лайкали сотни тысяч пользователей. В Безье один пожилой мужчина пришел в полицейский комиссариат и признался в том, что в давние годы, работая спортивным директором футбольного клуба, трогал мальчиков за разные места. Он знал, что бывшие ученики идут за ним по пятам, они запостили его фото и искали адрес. Он боялся за свою жизнь и настаивал на том, чтобы его посадили в тюрьму. Полицейские попросили его зайти позже, но не гарантировали, что найдут ему место в камере. Все, словно громом пораженные, впали в ступор, и никто, в том числе в моем подразделении, не решился даже пальцем шевельнуть.

Президент Республики, также получавший угрозы, укрылся в форте Брегансон, и страна осталась без власти.

После семидневного террора Хулиан Гомес вышел на свободу.

Габриэль Бока, его адвокат и медийная персона, основала движение “Гражданская открытость”, что-

бы помочь людям, попавшим в схожую ситуацию. При поддержке других покаявшихся представителей законодательной и исполнительной власти она предложила помиловать всех, кто совершил преступление во время *Revenge Week*, при условии, что насилие прекратится:

Для всех тех, кого правосудие не сумело защитить в прошлом, будет сделано процессуальное исключение. Совершившие единичный акт мести будут опрошены и занесены в базу, ибо в демократическом обществе месть недопустима и никогда не будет таковой, однако я настоятельно рекомендую их не наказывать. Необходимо проявить снисхождение к жертвам, совершившим преступление, поборникам справедливости, не представляющим никакой общественной опасности.

Меньше чем за сутки под ее петицией поставили подписи три миллиона французов. При таких результатах плебисцита “Гражданская открытость” решила пойти дальше. Габриэль Бока запустила проект “Генеральные штаты¹ онлайн”, чтобы граждане могли придумать новую модель государственного управления. За несколько месяцев движение снесло общественные институты и свело их до уровня административно-хозяйственных учреждений. Законы, как и все судебные решения, отныне должен был обсуждать и принимать сам народ в интернете. Ми-

1 Генеральные штаты — высший совещательный орган, созывавшийся французскими королями в критические моменты в XIV–XVIII вв. (Здесь и далее — прим. перев.)

нистерские документы (за исключением оборонного ведомства) предполагалось выкладывать в сети. От политического класса, обвиненного в коррупции, отказались вовсе.

Когда я открыла глаза, выступление уже заканчивалось. Вокруг меня сидели взрослые и дети с синими, белыми и красными полосками на щеках. Габриэль Бока пригласила подняться на сцену Виктора Жуане, молодого архитектора, активного участника движения. Он прокашлялся, откинул со лба длинную прядь и заговорил:

— Всего за несколько месяцев мы совершили революцию: сделали Францию реальной демократией, отдали власть народу. И все же, если мы хотим, чтобы открытость сохранилась надолго, она должна прежде всего применяться к нам самим. Насилие, издевательство над детьми и стариками, злоупотребления, агрессия — все виды жестокости по отношению к людям и животным имеют одну общую черту: они совершаются вдали от глаз, за глухими стенами, в квартирах и домах, в офисных лифтах. Закрытые пространства опасны. Стены представляют собой угрозу. Каждый из нас ради всеобщего блага должен ограничить свою частную жизнь — ведь речь идет о гражданском мире.

В тот день архитектор, заручившись согласием граждан, утвердил нормы нового урбанизма. Барон Осман в XIX веке перестроил Париж, чтобы сделать город более здоровым и безопасным. Грандиозные работы Виктора Жуане имели целью “моральное

оздоровление” и “оптимальную безопасность”. Современные постройки будут прозрачными. Культурные сооружения и памятники исторического наследия будут обновлены, насколько это возможно: каменные стены заменят стеклянными. Многоэтажки, школы, тюрьмы, больницы, магазины снесут и на их месте построят дома-виварии, где каждый житель будет гарантом безопасности и счастья своих соседей.

— И в самом деле, разве нам есть что скрывать? Если нам не в чем себя упрекнуть, почему не согласиться все показать?

Собравшиеся заплодировали и запели “Марсельезу”.

II

2050

За двадцать лет Франция полностью преобразилась. По ночам дома освещались изнутри красным светом. В течение дня можно было рассчитывать на бдительность соседей. Промышленникам удалось создать стекло *XPUR* — инновационный материал с повышенной тепло- и звукоизоляцией, меньше отражающий свет, расчерченный черными линиями, чтобы птицы не врезались в него на лету. Эти полосы почти невозможно было разглядеть невооруженным глазом, но пернатые их различали — как правило.

В одном из таких стеклянных домов жили и мы с моей дочерью Тессой и мужем Давидом. Никто нас к этому не принуждал. Никакой диктатор, никакой деспот. Общество само себя регулировало по принципу капиллярности. Новая французская демократия вовсе не была диктатурой: вы могли сами выби-

рать, поселиться ли в прозрачном районе или в зонах беззакония за пределами городов. Согласно преамбуле к Конституции 2030 года, Открытость стала “общественным договором, основанным на всеобщей доброжелательности и личной ответственности”.

Поначалу Давид не решался переезжать в современный район, побороть сомнения помогли ему наши друзья. Каждый приводил какой-нибудь любопытный случай, перечислял цифры, выдвигал свои доводы:

— Представь, в Мулене и в Ницце резко упал уровень преступности, результат впечатляющий, полицейские сидят на террасе кафе и пьют кофе, им просто нечего делать, ты, кстати, видел фотку с полицейскими в кафе?

Я и сама набивала в телефоне запрос “полицейские кафе фото” и показывала ему. Я с энтузиазмом его убеждала. Больше всего я боялась, что на меня станут показывать пальцем. У нас в комиссариате некоторых моих сослуживцев (тех, кто принял новые принципы урбанизма) всячески поощряли, а других позорили, обвиняя в эгоизме. В коридорах я то и дело слышала: “Что ты из себя строишь, Нико, нет, серьезно, кем ты себя возомнил? Что ты так держишься за свою “частную жизнь”? Да плевать всем на твою жизнь, Нико, никому она не уперлась, твоя сраная жизнь!”

Нико-сраная-жизнь в конце концов сдался. Правда, он решил поселиться прямо напротив нас,

и мы часто приглашали его к себе на ужин, когда видели, что вечером он сидит один.

В Открытости была и хорошая сторона.

Благодаря ей мы стали внимательнее к другим. Когда вам бывало одиноко или грустно или когда вы болели, кто-нибудь из соседей непременно звонил в вашу дверь. В домах престарелых началась новая жизнь, там соблюдалась идеальная гигиена, и персонал был приветлив.

В детских садах, отныне полностью застекленных, детям больше не угрожали жестокое обращение и сексуальные домогательства. Что уж говорить о бойнях: они закрывались одна за другой, потому что никто не мог смириться с убийством животных в промышленном масштабе. Многие французы, своими глазами увидев казнь животных, поставленную на поток, перестали есть мясо. Открытость зачастую позволяла ликвидировать слепую зону, отделявшую человека от его человечности.

Что касается меня, то охотно признаюсь: я испытала огромное удовольствие оттого, что Давид остепенился. Возможно, с моей стороны это было эгоистично и смешно, но я не говорю, что я святая. В то время, до всей этой истории, мой муж вел себя легкомысленно. Мы были женаты три года, и он часто не ночевал дома под тем предлогом, что задержался на работе допоздна и лег спать прямо в офисе. Когда он не приходил домой, я не могла уснуть. Всю ночь ходила из угла в угол, слушала грустную музыку, открывала бутылку вина, пела и плакала, лелея

свою боль. Я, словно подросток, красиво обставляла свою печаль, мне только это и оставалось, чтобы почувствовать себя живой, и еще ярость, а следом ревность. Я мысленно рисовала образ его любовницы: она наверняка была совсем не такой, как я. Она точно не работала в полиции (одной полицейской не изменяют с другой полицейской). И любить умела лучше, чем я. Скорее всего, хорошо готовила: Давид всегда был гурманом. Я никогда не обладала этим талантом, как и не умела проявлять свои чувства: я не была ни нежной, ни мягкой, ни беззащитной. Я представляла себе свою соперницу взрослым ребенком с белоснежной кожей, которому ничего не нужно — только смеяться и любить, она виделась мне ужасной притворщицей, которая с озабоченным личиком, прикусив губу, спрашивает обо мне: “Как там твоя жена?” А он отвечает: “Знаешь, Элен такая холодная, до нее невозможно достучаться”. Я ненавидела его. Клялась себе, что закачу ему сцену, что буду вести себя как опереточная любовница, а если понадобится, то и шантажировать тем, что убью себя. Но стоило ему вернуться — в те ночи, когда он все-таки возвращался, — я ныряла под одеяло и, закрыв глаза, старалась ровно дышать и надеялась на ласку, на объятие. Он падал в кровать и замирал. Я поворачивалась к нему и в конце концов успокаивалась, влюбленная в него так, что даже не смела с ним заговорить. Я не хотела давать ему повод уйти от меня.

После Революции и введения новых правил все изменилось. Давид больше не мог ничего от меня

скрывать. Теперь он всегда проводил ночь дома и возвращался вечером в один и тот же час. Произошло то, на что я так надеялась. Опережая мои расспросы, он сообщил, что начальник отныне запрещает ему ночевать на работе, потому что это не одобряется, что свет, горящий в офисе всю ночь, наносит вред природе, кроме того, все обязаны соблюдать график работы, оглядываться на профсоюзы, на трудовую инспекцию... Короче, нес всякую чушь. Но я победила стряпуху.

Сейчас уже можно признаться: торжествовала я недолго. Я уже не боялась его потерять, но нам нечего было сказать друг другу. Я очень быстро забеременела, как будто нашла лекарство от унылой повседневности. Тесса — дитя Открытости. Сейчас ей шестнадцать, и она не знала никакой другой жизни, кроме этой. Для нее любовь — это план. Для меня, и отныне я в этом уверена, любовь — это порыв, это fuga. В музыкальном смысле. Голоса ненадолго сливаются в общую мелодическую линию, потом расходятся и звучат контрапунктом. Сильнее всего я любила мужа, когда его не было рядом. Его свобода была моей воображаемой страной, страной моих фантазий и тревог. Я любила его, потому что его как будто не существовало. Я любила его, потому что могла придумывать его вновь раз за разом в весенние моменты каждого дня, призывать в свои сны, окружать тайнами. Я любила его, потому что ждала.

К тому времени, когда пропала семья Руайе-Дюма, теперь уж год назад, я плавала в мутной

стоячей воде. Работа потеряла для меня всякий интерес, а если верить моим коллегам, она должна была меня радовать; покушений на людей стало меньше, преступность пошла на спад. Теперь меня называли не полицейской — это слово считалось уничижительным, — а стражем безопасности. Моя работа заключалась в том, чтобы, разъезжая на велосипеде, проверять, все ли хорошо там или сям, принимать превентивные меры, если замечу какое-либо правонарушение, и вмешиваться, если это необходимо. В каждом районе волонтеры — соседские патрули — проводили регулярные обходы, чтобы убедиться, что стекла ничем не закрыты. Нам сообщали о малейших попытках насилия или даже подозрении в этом. Чаще всего ничего не происходило. До среды 17 ноября 2049 года.